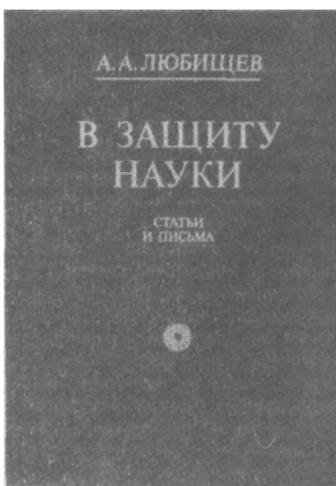

«Лысенкиана» А. А. Любищева

Б. М. Миркин,
доктор биологических наук.
Уфа

В ТЯЖЕЛЫЕ времена народ нуждается в мудрых провидцах и рыцарях истины. Это совесть нации. К их числу за советский период государства Российского бесспорно можно отнести В. И. Вернадского, Н. И. Вавилова, А. Д. Сахарова, Д. С. Лихачева. А после прочтения этой книги – и А. А. Любищева. В гражданской позиции Любищева удивительно много общего с Сахаровым, хотя, понятно, цели и масштабы их бунтарства различны. Сахаров был академиком, удостоенным многих наград, его окружали соратники-диссиденты, он мог апеллировать к международной общественности. Любищев – провинциальный профессор (хотя в другой ситуации вполне мог стать членом Академии), по большей части одинокий пловец в море конформизма. Правозащитником Сахаровым без устали занимался КГБ, видя в нем опасную силу, способную разрушить тоталитаризм. Критиком «мичуринской биологии» Любищевым тайная полиция интересовалась заметно меньше – возможно, казалось, что этот чудак-идеалист реальной опасности не представляет... А объединяло Сахарова и Любищева то, что каждый из них был преисполнен решимости бороться за истину до конца, не считаясь с возможными последствиями.

Книга включила статьи и письма Любищева 1953–1972 гг., ранее не издававшиеся. Особой разницы между статьями и письмами нет: статьи не публиковались, а размножались на машинке в нескольких экземплярах на тонкой бумаге и посылались коллегам или лицам, связанным с руководством наукой (в том числе и Н. С. Хрущеву), а письма были по своему содержанию научными трактатами. Не случайно И. И. Шмальгаузен называл Любищева «мастером эпи-

Любищев А. А. В ЗАЩИТУ НАУКИ: СТАТЬИ И ПИСЬМА. Сост. Р. Г. Баранцев, Н. А. Папчинская. Ред. и авт. коммент. М. Д. Голубовский. Л.; Наука, 1991. 295 с.

столярного жанра». Включены в сборник также некоторые отклики на письма Любищева его корреспондентов и комментарии жены Любищева О. П. Орлицкой. Эта женщина совершила подвиг, взяв на себя не только заботу о быте малоприспособленного к жизни профессора и разделив с ним последствия его неуютной жизненной позиции, но и став его единомышленником, сотрудником, секретарем. И вновь сходство с Сахаровым. Без крепкого семейного тыла подвиг этих людей был бы невозможен, попросту не хватило бы ни физических, ни душевных сил.

В сборник вошла лишь часть «лысенкианы». Любищева (так назвал этот цикл работ редактор книги М. Д. Голубовский). К примеру, из рукописи «О монополии Лысенко в биологии», объемом около 500 машинописных страниц, взяты пять глав, приведены и сопроводи-

тельные письма к Хрущеву, для которого она предназначалась (и не возымела действия, как и написанная с той же целью работа Ж. Медведева «Культ личности в биологической науке»; как и Сталин, Хрущев сделал Лысенко своим фаворитом). Тем не менее публикуемых материалов достаточно, чтобы представить гражданскую позицию Любищева и жесткий атакующий стиль его критики.

Составители расположили материалы в хронологическом порядке, что позволяет оценить эволюцию научной публицистики Любищева. От борьбы с лысенковщиной он перешел к критике самой тоталитарной идеологии и организации советской науки. Соответственно, в сборнике две части: «Критика лысенковщины» и «Научно-философская публицистика».

Позицию Любищева помогают понять две превосходные вступительные статьи: «Веки жизни Александра Александровича Любищева» (П. Г. Светлов) и «За честь природы фехтовальщи» (М. Д. Голубовский), а также завершающие книгу комментарии и аннотированный «Краткий список имен».

Из первой статьи мы узнаем о превратностях судьбы и удачах Любищева. В 1937 г. его, крупного энтомолога, сотрудника Всесоюзного института защиты растений, обвиняют во вредительстве. Ученый доказал, что вред насекомых по сложившимся методикам завышается на порядок и что в ряде случаев насекомые могут быть даже полезным компонентом посева, а потому далеко не во всех случаях с ними следует бороться. ГУЛАГ в этом случае не состоялся только благодаря счастливому стечению обстоятельств: после ареста директора ВИЗРа Любищев по приглашению И. И. Шмальгаузена перебрался

в Киев, менее опасный для биологов, чем Москва или Ленинград, и вплоть до 1941 г. у него были идеальные условия творчества. Война заставляет Любищева эвакуироваться в Киргизию — он работает в педагогическом институте г. Пржевальска и Киргизском филиале АН СССР. Там его застает сессия ВАСХНИЛ 1948 г. Любищев активно обороняется от «мичуринцев». Как вспоминает О. П. Орлицкая, на собрании во Фрунзе, где его «прорабатывали», требуя покаяния, Любищев «открыто сказал, что он... приносить покаяний не будет, хотя это и модно».

В 1950 г. Любищев уходит от гонителей и перебирается в Ульяновск, где возглавляет кафедру в педагогическом институте, но вновь подвергается наскокам со стороны защитников «передовой биологии». В сборнике помещена его переписка с редактором газеты «Ульяновская правда», где была опубликована статья ректора пединститута В. Красоты, в которой Любищев причислялся к «оторванным от жизни ученым», не оценившим всей «созидательной силы мичуринской биологии».

После смерти Сталина, начиная с 1953 г., Любищев открывает свою «лысенкиану». В это время с Лысенко уже вели борьбу два журнала, которые возглавлял В. Н. Сукачев, — «Ботанический журнал» и «Бюллетень МОИП». Но и они были ограничены цензурой, через которую проходила лишь осторожная, достаточно мягкая критика. Это явно не подходило Любищеву. Стиль его критики язвительный и жесткий. Так, о сторонниках Мичурина он говорит: «И сейчас, конечно, должно быть и существует дружеское сосуществование с честными и самокритичными продолжателями дела истинного Мичурина, но не может быть сосуществования в науке с теми, кто использовал имя Мичурина после его смерти для захвата власти в науке, для деспотического навязывания своих бредовых идей всем инакомыслящим и главным орудием которых в борьбе за власть были политические и философские доносы» (с. 129). Напротив, с коллегами-оппонентами Люби-

щев полемизирует (о роли Ламарка, номогенезе, возможностях вейсманизма и хромосомной теории наследственности) в спокойных и уравновешенных тонах, выступая за плюрализм и творческие дискуссии.

Первую часть сборника открывает статья «Об арачкевском режиме в биологии». Она начинается с фразы, которую можно взять эпиграфом ко всей книге: «Считаю своим долгом как ученого и гражданина высказать голос против арачкевского режима в биологии, возглавляемого академиком Т. Д. Лысенко и его сторонниками» (с. 25). Далее Любищев говорит о «предложениях» Лысенко, которые принесли миллиардные убытки сельскому хозяйству страны (кроме общеизвестной яровизации и гнездовых посадок дуба, тут прямо-таки россыпи нелепых рекомендаций — механическое раскрытие цветков семенной люцерны, применение кур в борьбе со свекловичным долгоносиком и черепашкой, хлопчатник на Украине и т. д.). Анализируются причины низкого качества новых сортов и пород, полученных «мичуринскими» методами, и сам теоретический арсенал «мичуринской биологии» (отказ от генетики, отрицание внутривидовой борьбы, новое учение о виде и эволюции).

Позицию Любищева Голубовский называет «разведкой боем». Лысенко, усеянный звездами и орденами, был еще в силе и имел прямой ход в ЦК. Еще свежи были в памяти и репрессии 1937 г., и последствия знаменитой сессии ВАСХНИЛ, и потому друзья, коллеги и родственники Любищева опасались за его судьбу. Но, как пишет О. П. Орлицкая, «Ал. Ал. был непоколебим: он продолжал делать то, что считал нужным, на него не действовали угрозы быть осторожным, дипломатом...» (с. 61).

В 1957 г. Любищев пишет статью «Смесь фальсификации, клеветы и невежества — чтение для школьников» о книге В. Елагина «Цель жизни», где в качестве «мичуринца» фигурирует крупный селекционер животных М. Ф. Иванов, который на самом деле руководствовался в своей работе посылками классическо-

го менделизма. В длившейся почти 20 лет переписке Любищева и инструктора ЦК В. П. Орлова, бесспорно порядочного и доброжелательного человека, Любищев высказывает и свое четкое отношение к претензии партии на руководство наукой: «Утверждение «Партия — это наука» напоминает старое изречение Людовика XIV «Государство — это я» (с. 139). Любопытно, что в последнем письме, написанном уже ушедшему на пенсию партийному функционеру, мы встречаем вполне современные мысли: «Что касается того, что Вы стесняетесь Вашей частной собственности — сада, то бросьте Вы эти дурацкие наши предрассудки, будто нельзя продавать даже на базаре плодов, честно выращенных на своей земле и своим трудом. Вот из-за дурацкого преследования частных мы и сидим без фруктов» (с. 148).

В целом же, как и большинство современников «оттепели», Любищев, отвергая сталинизм, с симпатией относился к ленинизму.

Второй раздел включает статьи и письма по более широкому кругу проблем. Тем не менее «мичуринская биология» как наглядный пример деградации науки и культуры в условиях тоталитарной системы присутствует почти во всех публикуемых материалах. Это все та же «лысенкиана», но на более высоком уровне обобщения и критического анализа.

В статье «К столетию со дня рождения Мичурина. Открытое письмо», написанной в 1955 г., Любищев очищает имя Мичурина от коросты и пишет о двух Мичуриных — реальном и придуманном: «...это просто миф, это маска, сфабрикованная Лысенко в целях грандиозного очковтирательства и захвата власти в науке» (с. 149).

Открытым вызовом тоталитарной системе звучат его слова об общей деградации культуры и науки в СССР: «нет, оскудение нашей философии, биологии, истории, педагогики, литературы — это не болезни отрочества. Явления деградации есть следствие попытки осуществить во всей области культуры тот проект о введении единомыслия в России, который

был в свое время разработан Козьмой Прутковым» (с. 197). Интересно письмо к М. Поповскому (по поводу его повести «Тысяча дней из жизни академика Вавилова»), а также заключающее книгу «Письмо в редакцию «Известий» (об одном делегате III съезда комсомо-

ла) — едкий памфлет на основного лидера жандармской философии М. Б. Митина. В своих оценках диалектического материализма Любичев смыкается с В. И. Вернадским, который считал его суррогатом философии. Остается лишь поблагодарить всех, кто помог выходу

этой уникальной книги. Представителям старшего поколения она поможет критически оценить прожитое, а молодежи будет полезна как собрание документов о трудных годах советской биологии.

ИСТОЧНИК: Природа. 1992. № 3. С. 121–123.
